

Виктор Харин

Хранители сказок Путешествие за край земли

Хранители сказок

Виктор Харин

Путешествие за край земли

«Accent Graphics communications»

2012

Харин В.

Путешествие за край земли / В. Харин — «Accent Graphics communications», 2012 — (Хранители сказок)

Маленький рыбацкий поселок утопал в снегах. Метель намела огромные сугробы, стучалась в окна, подкрадывалась и нападала из-за угла. Она сбивала с ног случайных прохожих, завывала в узеньких улочках. Ей не терпелось ворваться в натопленный дом и погасить жаркий огонь в камине. Трещали на морозе деревья, хрустел снег. Темный зимний вечер заглядывал в окна, и от его дыхания их затянуло утонченной резьбой, которую вырезал из тончайшей перламутровой кости невидимый мастер.

© Харин В., 2012

© Accent Graphics
communications, 2012

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

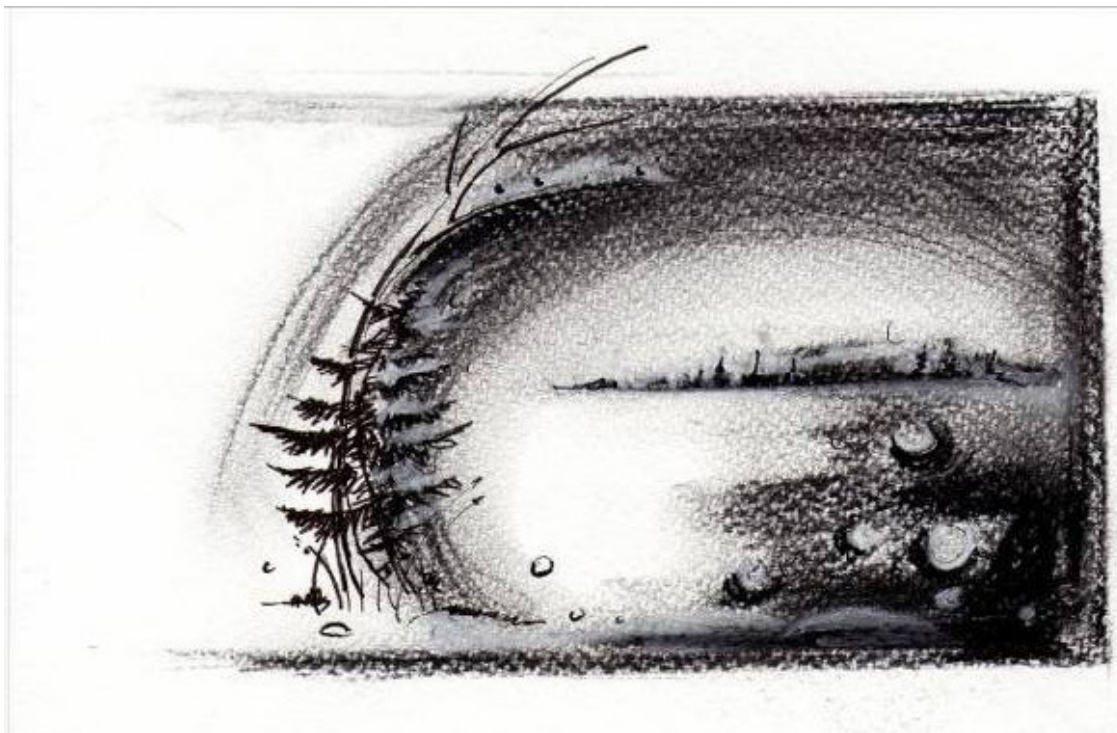
Виктор Харин

Хранители сказок.

Путешествие за край земли

Глава первая

Вначале было слово

Маленький рыбацкий поселок утопал в снегах. Метель намела огромные сугробы, стучалась в окна, подкрадывалась и нападала из-за угла. Она сбивала с ног случайных прохожих, завывала в узеньких улочках. Ей не терпелось ворваться в натопленный дом и погасить жаркий огонь в камине. Трещали на морозе деревья, хрустел снег. Темный зимний вечер заглядывал в окна, и от его дыхания их затянуло утонченной резьбой, которую вырезал из тончайшей перламутровой кости невидимый мастер.

А в доме было тепло. Добротно сделанный много-много лет назад двухэтажный деревянный сруб не давал никакой возможности темной и холодной силе пробраться внутрь. Ни метель, ни выюга, ни снег, ни ветер не нарушали покоя жильцов. Потрескивали дрова в камине, старенький медный пузатый чайник пофыркивал рядом, словно нежилась в объятьях привычного для него огня. Отблески камина прыгали по стенам, потолку, мебели. Казалось, что дом живой и тихонько посмеивается над разбушевавшейся стихией. Вдоль стен книжные шкафы упирались в потолок. В неверном свете камина временами казалось, что именно они удерживают свод на своих плечах, не давая ему упасть. Там теснились корешки книг – пестрели золотом огромные фолианты, робко выглядывали потертые обложки, чернели рукописи, лоснились бока кожаных переплетов. У окна, напротив камина, располагался огромный стол, доверху заваленный картами, свитками, журналами, дневниками. Словно их торопливо побросали на стол, в спешке не найдя им места на полках, но так и не сподобились убрать.

В кресле перед камином сидела старушка. Укутавшись теплым шерстяным пледом в крупную клетку, она читала вслух сидевшему перед ней мальчугану лет десяти-двенадцати старую огромную потрепанную книгу.

– «...и поселились они на чудесном острове вдвоем. Отец Леса наградил их добротным домом, Мать Земля – уладила их взор цветами и драгоценными камнями. А когда пришел срок, прекрасная принцесса подарила кузнецу сына. Так сбылось предсказание».

Старушка закрыла книгу.

– На сегодня все, Мартин, поздно уже, отправляйся спать.

– Ну, бабушка Августа, я не хочу спать. Расскажи еще сказку. Пожалуйста, еще одну...

– Хорошо, только одну. О чем ты хочешь послушать?

– Я... – Мартин взглянул в сторону окна. – Расскажи мне про снег.

– Про снег? – вздохнула бабушка... – Про снег, – она на минуту задумалась. – Хорошо.

Слушай:

«В стародавние времена, так давно, что никто и не упомнит когда. Даже сам снег, наверное, не помнит. Жил высоко в горах один мудрец...»

– А как его звали? – перебил неторопливый Мартин.

– А разве важно как его звали? Это же сказка. Если хочешь, давай назовем его Снег.

Итак. «Снег жил высоко в горах. Он был очень стар и очень умен. Однажды к дому мудреца пришли люди из соседней деревни и начали жаловаться на грязь и просить совета.

– О, мудрый Снег, совсем наша деревня стала безрадостной, воздух наполнен пылью, а после дождя пыль превращается в грязь. Посоветуйся с Богами, что нам делать.

Выслушал их мудрец и говорит:

– Я поговорю с Богами, а утром дам ответ.

Поклонились жители деревни мудрецу и, счастливые, разошлись по домам. А мудрец поднялся на самую вершину горы и обратился к Богу Неба.

– Отец Небо, взываю к тебе, ответь мне, как сделать землю, на которой мы живем, чище?

И отвечал ему Отец Небо:

– Все, что есть на земле, подвластно законам, и пыль, и дождь, и грязь имеют свое значение, не нам сей порядок нарушать и что-то менять.

Воззвал мудрец к Матери Воде:

– Матушка Вода, скажи, как мне избавить жителей деревни от грязи?

Отвечала ему Мать Вода:

– Все, что есть на земле, есть суть неизменная, если я начну вымывать всю пыль и грязь, я могу смыть деревню.

Пригорюнился мудрец и обратился к Отцу Ветров:

– Отец Ветер, ты облетаешь всю землю, скажи мне, мудрый Отец Ветров, как мне избавить жителей деревни от грязи и пыли?

Ответил ему Отец Ветров:

– Все в мире существует так, как и должно быть, и не нам этот порядок менять, если я начну выдувать всю пыль, я могу ненароком сдуть деревню.

Совсем опечалился мудрец. Вдруг возле его левого уха раздался голос:

– Я могу тебе помочь.

– Кто ты? – спросил мудрец.

– Я младший сын Отца Ветра, Северный Ветер, – шепнул голос в ухо, – я знаю, что на краю земли есть глубокая-глубокая пещера. В ней никогда не было ни ветра, ни дождя, ни пыли, туда никогда не заглядывало солнце, там чистота и покой, которые тебе и не снились. Я могу принести тебе этого чистого воздуха и развеять его над деревней к утру.

Обрадовался мудрец. Поблагодарил Северного Ветра, пошел в свою хижину и лег спать.

А в это время Северный Ветер проник в самую глубокую пещеру на краю земли, где дремали демоны подземного мира. Вдохнул Северный Ветер этот воздух, и замерло сердце у него в груди. Испугался Ветер и помчался прочь из пещеры. И так холодно было его сердце, что все, к чему бы он ни прикасался, превращалось в лед и рассыпалось. Увидел это Отец Ветер и заплакал, заплакал и Отец Небо, плакала Мать Вода. И слезы их замерзали. Причудливыми белыми перьями падали слезы на землю. Буквально за ночь вся земля покрылась белыми, холодными слезами богов, оплакивающих судьбу младшего сына Ветра. Поутру вышли люди деревни из домов и обрадовались. Как вокруг чисто и красиво. Нет ни пыли, ни грязи. Все блестит, как в первый день создания мира. Пошли жители деревни на вершину горы, понесли дары, чтобы преподнести их величайшему мудрецу на свете. Но, придя на вершину, они не смогли найти ни его, ни хижины, а только огромные сугробы, похоронившие мудреца. А горестные слезы богов называли снегом».

– Вот и сказке конец, а кто слушал – молодец.

– Ну еще немножко. Ну капельку... – взмолился Мартин.

– И не уговаривай. Не забывай, что ночь – не наше время. Надо быть осторожными, зло не дремлет...

– Да слышал я это сто раз, – перебил Мартин. – Каждый вечер одно и то же. Мне мальчишки говорили, что это все бабушкины сказки. Никто в поселке в это не верит, только ты.

– Глупые дети, глупые люди, сами того не ведая, своим неверием они открывают дорогу в мир злу. Темнота неведения, темнота в головах, пустота в сердцах, так зло и проникает в наш мир. Через пустоту. Люди не задают вопросов, не получают ответов. Их не интересует, почему идет снег, встает солнце, дует ветер, зачем им это знать. Им важны набитые животы и соседские сплетни. Они ничего не видят дальше своего носа. И не говори мне, что я напрасно трачу твоё и своё время на такую ерунду, как сказки. Мы Хранители. И всегда помни об этом. А теперь все, спать, и без разговоров.

– Хорошо, хорошо. Спокойной ночи, бабуля, – поднявшись, сказал Мартин.

Зажег светильник, чмокнул на прощание морщинистую щеку и поднялся к себе в комнату.

– Сладких снов, мой мальчик, сладких снов, – прошептала Августа.

А на улице, вздохнув, осел выпавший снег.

Утро выдалось на редкость солнечным. Сквозь затянутое изморозью окно лучи ласково тянулись к лицу, прикасались к волосам. Вчерашнее ненастье сгинуло, как будто его и не было, остались только воспоминания да наметенные сугробы. Мартину ни за что не хотелось покидать теплую постель. Он повыше натянул на голову одеяло и, подогнув ноги, отвернулся к стене. Никакая сила сейчас не могла выгнать его из кровати.

– Мартин! Просыпайся! Вставай, лежебока, завтрак готов, – донесся сквозь сон голос бабушки.

– Бабуля, еще пять минут.

– Знаю я твои пять минут, они спокойно превращаются в два часа. Спускайся, а то все остынет.

– Иду, иду уже, – пробормотал Мартин и юркнул под одеяло.

Тихо заскрипела лестница, дверь комнаты приоткрылась, звук мягких шагов замер у кровати.

– Так я и знала, – усмехнулась бабушка, – все, пошла за снегом, высыплю его тебе в кровать и накрою одеялом, вот тогда лежи сколько захочешь.

– Ты слишком добрая, – пробормотал он, даже не открыв глаз, – ты так не поступишь...

– А вот сейчас и посмотрим...

– Ай, что это?! Что ты делаешь?!

– Как и обещала – это снег.

– Ну, бабушка, я и так почти встал.

– Твое «почти» лежит где-то рядом с обедом, а сейчас у нас завтрак стынет. Марш умываться и за стол.

– У меня вся пижама мокрая.

– Ты же не в пижаме за стол сядешь. Одевайся, умывайся и спускайся на кухню.

Мартин скинул промокшую пижаму, ежась от холода, быстренько просунул ноги в штаны, запрыгнул в шерстяные носки и через голову натянул связанный бабушкой свитер. Тапки он нашел не сразу, они чудесным образом оказались задвинутыми под кровать. Посмотрелся в треснутое зеркало, висевшее у рукомойника, подставил одну ладошку, набрал немного воды и брызнул себе на лицо. Вода была холодной и неприятно покалывала щеки. Выдавил себе в рот немного зубной пасты из тюбика, поводит языком по зубам, равномерно ее размазал, набрал вторую ладошку воды, прополоскал рот. Влажными руками провел по волосам, чтобы не торчали во все стороны. Все. На этом процесс утреннего умывания он посчитал законченным, и поспешил вниз по лестнице, на кухню, откуда исходил запах жарящегося бекона и яиц, доносилось размеренное побулькивание чайника.

На кухне было жарко. Большая изразцовая печь занимала полкухни, дверца топки и плита просвечивали красным, словно им было стыдно за что-то. Мартин уже неоднократно обжигался о добродушную плиту, и знал, насколько она может быть коварной. Она только и ждет момента, чтоб укусить его за руку, а не получится за руку – за ту часть тела, которая ей подвернется. Протиснувшись бочком вдоль стены подальше от плиты, он сел на свое место к столу у окна.

– Явился наконец-то, – проворчала бабушка, – опять для тебя все разогреваю. В следующий раз оставлю без завтрака. Будешь ходить голодный до самого обеда. Хоть умылся или нет?

– Умылся.

– Покажи руки! Не прячь, покажи.

Мартин вытянул руки, помотал перед бабушкиным лицом и снова спрятал за спину.

Бабушка улыбнулась:

– Так я и знала. Слышала, что воды не много пролилось.

– Но, бабушка, вода такая холодная, как ею умываться?

– Иди сюда, я нагрела тебе воды для умывания.

Она сняла с крючка на стене полотенце, повесила его на плечо Мартина.

– Чего расселся? Иди, мой руки. И возьми с полки кусок мыла.

Мартин нехотя вышел из-за стола. Бабушка налила кипятка в таз, добавила холодной воды из бака, стоявшего в углу.

– Вымой руки как следует, с мылом, и про лицо не забудь.

– Забудешь тут про лицо, – тщательно намыливаясь, пробормотал Мартин, – неужели с умыванием завтрак вкуснее?

– Я все слышу, – не поворачиваясь к нему, заявила бабуля. – Завтрак он или есть, или нет. И есть он у того, кто умыт, а кто не умыт, тот обойдется без завтрака. Ведь обходится же он без умывания, вот и без завтрака обойдется. Готов? Садись за стол, сейчас принесу, пока все не подгорело.

Мартин, все еще вытирая лицо полотенцем, пошел к столу. И тут печь, словно дождавшись своего часа, показала-таки свое коварство.

– Ай!!! – воскликнул Мартин. – Бабуль, я обжегся об эту дурацкую печь, опять она меня подловила.

– Не говори ерунды. Покажи, где обжег.

Мартин протянул руку.

– До свадьбы заживет, – взглянула на руку бабушка. – Помажь маслом и извинись перед печью.

– Что за глупость – извиняться перед печью, это ей впору передо мной извиняться, за то, что обожгла! – возмутился он.

– Не имей ты плохих мыслей, и был бы послушным, печь тебя бы не обожгла.

– Глупость какая, суеверия.

– Не глупость. Вот послушай. Давным-давно великий и могучий Отец Гром победил темные силы, сбросил поверженных демонов в бездонную пропасть. А чтоб они не выбрались оттуда, он опустил свой огромный щит на землю и закрыл им выход из бездны. Щит был добротный, сделанный из каленого железа его братом, кузнецом Инмаром, в недрах Огненной горы. И никто, кроме могучего Отца Грома, не мог поднять тот щит, так он был тяжел. Темные силы были повержены. На радостях Отец Гром устроил пир, чтобы отпраздновать победу, позвал всех светлых богов и брата, великого кузнеца Инмара. И, дабы не ранить Мать Землю, решили они развести огонь на железном щите. Огонь пылал до небес и был жарок настолько, что железный щит раскалился докрасна. Демоны, которые безуспешно пытались столкнуть щит и вырваться на свободу, чтобы отомстить великому герою, не смогли стерпеть силу жара праведного огня и убралась вглубь земли подобру-поздорову. Временами какой-нибудь осмелевший демон пытался выбраться на поверхность. Он подкрадывался к щиту и трогал его, но огонь все еще горел, а щит по-прежнему был горяч, и демон, обжигаясь, убирался прочь.

Увидели Светлые Боги, что огонь хранит землю от нечисти, и решили, что так тому и быть на века. Они повелели Инмару до конца мира поддерживать праведный огонь на щите героя, дабы никогда демоны не вырвались на поверхность. Огонь горит и поныне. Только шипит и трещит временами, отпугивая темные силы, а ежели силы тьмы осмеливаются приблизиться к нему, то он потрескивает от их прикосновения и жжет немилосердно. И весь огонь, что есть у людей, происходит от этого Негасимого Огня. В каждом доме, в каждой печи. Потому печь и обжигает людей, когда чувствует плохие мысли или намерения. И потрескивает, когда тьма пытается проникнуть в дом. Она словно предупреждает – не балуй, лучше делом займись. И запомни: чем сильнее зло, тем больнее ожог.

И пока горит в печи праведный огонь, никакая темная сила в дом не проникнет.

– А тебя печь обжигает? – спросил Мартин.

– Обжигает, – вздохнула бабуля.

– А какие злые мысли есть в тебе?

– Какие? Вот выпороть порой хочется одного непослушного внука, который заставляет по десять раз разогревать еду, пока он не соизволит поесть.

– Бабуль, я не хочу больше яиц. Каждое утро ты меня зовешь завтракать, и, еще не проснувшись, я знаю, что у нас будет на завтрак.

– Не привередничай. Во-первых – это быстро и удобно. Во-вторых, есть еще причины.

– Очередная сказка, которая мне расскажет о пользе яиц?

– Это уже не сказка. Это сущая быль. Послушай.

«Когда мир только появился, в нем не было ничего. И Небесная Мать Всего Сущего спустилась с небес Великой Птицей в наш мир. Ее взору предстал великий безбрежный океан под куполом хрустального неба. Долго летала Великая Птица, совсем выбилась из сил. Когда она уже было решила вернуться обратно на небо, то увидела среди волн маленький камешек. Камешек был настолько мал, что она могла стоять на нем только на одной ноге. Но и это было спасением. Она приземлилась на этот камешек, но не удержалась, поскользнулась и выронила яйцо, которое несла с собой, чтобы дать жизнь другим богам. Яйцо покатилося и, ударившись о камень, разбилось. Желток взлетел и стал солнцем, белок вылился в облака, скорлупа стала землей. Солнце быстро высушило землю, и океан отступил. А маленький камешек, на который присела Великая Птица, оказался огромной горой. Земля обняла великую гору, и уже ничто на свете не сможет перевернуть этот мир. Облака же пролили дождь на землю, и появились реки, озера, моря».

Потому считается, что мир на заре существования вышел из яйца. И яйцом стоит отмечать начало каждого дня. Так что не привередничай. Ешь.

– Бабуль, а как так получается? Если не было всего, а океан был... и гора была? – с усмешкой спросил Мартин.

– Ты же сам сказал, что это сказка. А что в сказке говорится, то и есть правда. Подумай сам, вот если не было ничего – значит, она летала в пустоте, и все равно бы устала. А гора... считай ее осью мира. Она есть. Но ведь это же сказка, – хитро подмигнула бабуля.

Глава вторая

Выход в город

Снег хрустел под ногами. Зимнее солнце, поигрывая льдинками, слепило глаза. Город начинал просыпаться. Из лавки булочника доносился аромат свежее испеченного хлеба, витрина щеголяла пряничными нарядами. Аптекарь убирал снег с крыльца, приветливо махал рукой, здороваясь с редкими прохожими. Основная улица заканчивалась пристанью. В обычное время пристань была полна народу. Лодки прибывали и убывали, сновали носильщики, кричали торговцы. Но во время зимних штормов это была самая пустынная часть города. Недалеко от пристани возвышался утес, ограждающий бухту от ветра, облюбованный огромными птичьими колониями, гнездящимися на отвесных скалах. На вершине утеса стоял старый, как и весь поселок, маяк. Он возвышался словно палец каменного великана, указующий в небо. Излюбленное место летних забав местной детворы и пристанище старого Эрни.

Августа хотела провести снотрителя маяка и взяла Мартина с собой. Мартин любил бывать на утесе, с него открывался потрясающий вид на поселок, расположенный на склоне горы. На море с его просторами, украшенными, как праздничный пирог свечками, парусами рыбацких лодок. Любил он наблюдать птичий переполох, когда рыбаки возвращались на пристань. Но сейчас не радовали глаз ни море своим многообразием, ни серая бесконечная даль, прорезанная белесыми барашками волн. На маяк от пристани вели крутые ступеньки, и Августе пришлось несколько раз остановиться и перевести дух, несмотря на желание Мартина побыстрее попасть наверх, подальше от колючего ветра, поближе к горячему шоколаду и удивительным рассказам старика Эрни, которыми он потчевал всех своих гостей. Он в нетерпении оглядывался на бабушку, но далеко вперед не убежал.

– погоди, Мартин, – задыхаясь, крикнула бабуля. – погоди. Давай передохнем.

Мартин повернулся и нехотя начал спускаться. Они остановились около одной из лавочек, спрятанных от ветра за выступом скалы. Лавочки стояли как раз для такого случая, потому что мало кто мог подняться на маяк без передышки.

– Знаешь, – сказала бабуля, – мореходы рассказывают, что первый маяк зажгло само солнце.

– Как это? – удивился Мартин.

«Давно это было. Попал как-то отважный рыбак в шторм, и унесло его бушующее море далеко от берега. Не мог он найти дорогу домой и совсем отчаялся. Несколько дней бросали волны его лодку из стороны в сторону. Кончились еда и вода. Вдруг видит, парит в вышине огромный белый альбатрос. Позвал человек птицу:

– Могучая птица альбатрос, ты с одним взмахом крыла пролетаешь столько, сколько мне идти целый день. Сделай милость, лети к моим родным берегам и скажи моей жене, что меня штормом унесло в открытое море и не найти мне дорогу назад. Простись с ней за меня и скажи, что я до последнего вздоха буду любить ее.

Послушал альбатрос, развернулся и ринулся к берегу. На берегу он увидел прекрасную женщину, которая стояла у кромки воды, осыпаемая брызгами, и неотрывно смотрела вдаль.

Позвала его женщина:

– Могучая птица альбатрос, ты с одним взмахом крыла пролетаешь столько, сколько мне идти целый день. Не видал ли ты моего любимого? Он неделю назад вышел в море и до сих пор не вернулся. После его отплытия разыгрался шторм, и я боюсь, что с ним случилась беда.

Спустился альбатрос и сел перед ней на качающиеся волны:

– Видел я в море рыбака, его штормом отнесло далеко от берега, и он не может найти дорогу назад. Он просил меня проститься с его женой и сказать, что до последнего вздоха будет ее любить.

– Это мой муж! Он все еще жив! – обрадовалась женщина. – Сделай милость, могучая, мудрая птица, возьми в мешочке горсть родной земли и отнеси мужу. Родная земля поможет найти ему дорогу домой.

Согласился альбатрос отнести родной земли моряку, схватил свою ношу, взмахнул белоснежными крыльями и полетел в открытое море. Долетел до дрейфующей на волнах лодки. А тем временем рыбак уже отчаялся когда-либо вернуться на землю и обнять жену. Лишь только он увидел, что птица вернулась, радостно закричал и замахал руками:

– Могучая птица альбатрос, скажи, говорил ли ты с моей любимой, передал ли от меня весточку?

– Встретил я на берегу прекрасную женщину, она ждала любимого, который неделю назад вышел в море. Внезапно налетевшим штормом его отнесло далеко от берега, и он до сих пор не вернулся, но женщина ждет, надеется и верит, что он рано или поздно вернется живым и невредимым.

– Это моя жена! Моя любимая, она все еще ждет меня! – воскликнул рыбак.

– А еще она велела передать тебе мешочек с горстью родной земли. Она сказала, что родная земля поможет тебе вернуться.

Обрадовался рыбак и взял подарок жены, поднес к губам, поцеловал его и тут же почувствовал, как родная земля потянула его к берегу.

– Сделай милость, мудрая птица. Вернись на берег и скажи моей любимой, что я возвращаюсь.

Поднялась могучая птица, расправила крылья и понеслась с новым посланием.

Поставил рыбак парус и начал править к родной земле.

Альбатрос быстро достиг берега, где ожидала возвращения мужа любящая рыбачка.

– Он возвращается, – прокричала птица с высоты. – Судя по ветру, будет после захода солнца.

Опечалилась прекрасная рыбачка:

– Как же в темноте ему найти родной берег, как не разбиться о коварные скалы, как не сесть на мель? Сделай милость, могучий альбатрос, догони Отца Солнце, схвати его за золо-

тые волосы, поддержи немного, чтоб он не отправился на ту сторону земли, пока мой муж не вернется на родной берег.

Взмахнул крыльями могучий альбатрос и помчался вслед за солнцем. Но светило уже едва виднелось над горизонтом. Летел быстрее ветра альбатрос, но не успел. Отец Солнце уже скрылся за краем земли. Альбатрос только успел ухватиться за последний волосок, видневшийся над морем. Он потянул на себя и вырвал волосок из головы Отца Солнца. Наступила темнота, только в клюве альбатроса золотом сиял вырванный волос. Делать нечего, полетел альбатрос к рыбачке. Она ждала его в нетерпении. Рассказал ей альбатрос:

– Я летел через все небо за Отцом Солнцем, мчался быстрее ветра, но не успел его остановить. Он уже скрылся. Я схватился за единственный оставшийся волосок, потянул и случайно вырвал его из головы Отца Солнца. Прости меня, прекрасная рыбачка, но мне не удалось выполнить твою просьбу.

– Покажи мне этот волос, – попросила рыбачка.

Вынул альбатрос золотой волос из клюва, и все побережье озарилось солнечным светом. Просияв от счастья, воскликнула женщина:

– Ой, спасибо, могучий альбатрос. Как же ты выручил нас! Тебе не удалось остановить Отца Солнце, но ты принес свет в темную ночь.

Взяла она золотой волос, положила в хрустальный кувшин:

– Могучая птица, не выполнишь ли еще одну просьбу? Отнеси этот кувшин на ту высокую скалу и поставь на самую вершину. Свет золотого волоса осветит море и покажет моему любимому, в какую сторону править, поможет избежать коварных скал и не сесть на мель.

Взлетел альбатрос на скалу, поставил кувшин на самую вершину, и осветилось море на много миль. Увидел этот свет рыбак, обогнул отмели, коварные скалы и без приключений добрался до дому. Так и повелось с тех пор. Люди стали ставить маяки и зажигать их, наполняя сердца моряков надеждой на возвращение. А у солнца отныне на макушке маленькая проплешина. Иногда, когда оно садится в море, эта проплешина видна, и вместо прощального золотого луча мореходы видят зеленый. И с этих пор моряки, уходя в море, всегда берут с собой горсть родной земли, чтоб вернуться».

– Солнце – это звезда, говорил нам в школе учитель, а Земля круглая и вращается вокруг него, – как бы между прочим сказал.

Снизу доносились звуки проснувшегося поселка, шум волн, ломающих свои стройные ряды о подножие маяка. Ветер, словно выждав момент, когда путники покажутся из-за скалы, набросился, сбивая их с ног, и с двойным усердием стал кусать за щеки. Пригнувшись под порывами ветра, они добрались до двери и, не постучав, нырнули в нее, спасаясь от шквала. В комнате царило запустение. Солнечные лучи, заглядывая в окно, тихо покачивали оседавшую на них пыль. Было холодно и пустынно.

– Эрни! – позвала Августа. – Эрнест, ты здесь?

– Да тут я! Кого это нелегкая принесла? – донесся ворчливый голос старого Эрни. Он, покачиваясь, вышел из кухни. Мартин даже сразу и не узнал его. Обычно Эрни встречал гостей с улыбкой, предлагал чай или горячий шоколад и на каждое слово отвечал невероятно интересной и забавной историей. Сейчас же Эрни больше походил на тень самого себя. Лицо осунулось, глаза впали, одежда помята и заляпана чем-то бурым, борода торчит в разные стороны. А главное – не было той смешинки, которая обычно пряталась у него на лице. Эрни дрожащей рукой заслонил глаза от солнечных лучей и посмотрел на вошедших:

– Это ты, Августа. А я-то подумал, кого это в такую рань принесло.

– Во-первых, здравствуй, Эрни! – строго проговорила Августа. – А во-вторых, скажи, пожалуйста, что это мы сегодня такие ершистые, неприбранные и злые?

– А надоело всем улыбаться. Всем что-то от меня надо. А мне, может, надоело все. Пятьдесят лет одно и то же. Что, я не человек, что ли? Могу я хоть раз сделать так, как мне хочется, а не как вам всем надо?

– Что случилось, Эрни? – с тревогой спросила бабуля. – На тебе лица нет.

– С чего ты взяла, что у меня что-то случилось?

– Да посмотрела на тебя и поняла все. И ночь сегодня была нехорошая. Плохое предчувствие. Холодом как-то потянуло. Вот и решили с Мартином тебя с утраца проведать.

– Спасибо за заботу. Наше вам с клешней, держите в обе руки! – пробурчал Эрни. – И Мартин здесь? Как дела, малыш?

– Спасибо, хорошо, – ответил Мартин.

– Что в дверях топчетесь, заходите, коль пришли, – проворчал Эрни, – пошли на кухню, сообразим что-нибудь горяченькое.

– Я бы не отказалась от рюмочки бренди, если, конечно, найдется хоть что-то в этом доме, – снимая шаль, проговорила Августа.

– Найдется, если поискать.

Они вошли на кухню. Там царил страшный кавардак. Горы грязной посуды соревновались в высоте, скатерть была покрыта разноцветными пятнами, вся в подпалинах, закапанная воском. Огонь в камине давно погас, и ощутимо тянуло холодом из дымохода. Августа села на одиноко стоявший у окна стул. Огляделась:

– Что-то совсем не узнаю я тебя, Эрни! Ну как там с бренди? Нашел?

– Да, – нагнувшись к буфету, бросил через плечо Эрни. Когда он разогнулся, в его узловатых руках покачивалась пухлятая бутылка зеленого стекла. Таким же неуверенным шагом он дошел до шкафа, вытащил пару стаканов, оценивающе посмотрел сквозь них и, удостоверившись в чистоте, поставил на стол, плеснув в них по приличной порции темного напитка из бутылки.

– Твое здоровье, Августа, – произнес он и залпом осушил стакан.

– И твое, Эрни, – ответила она, немного пригубив. – Теперь рассказывай, что такого стряслось, если ты сам на себя непохож.

– Не люблю я жаловаться. Видимо, не с той ноги встал. Как проснулся ночью, выглянул в окно, и так эта серость надоела!

Маяк этот проклятуций. Сажу тут, как краб в панцире, как килька в банке, только в окошко поглядываю да лампы и зеркала чищу, чтоб маяк ярче горел. А кому это надо? Мне? Да ничего мне не надо. Рыбаки вон неделями в море не выходят, шторма пережидают. И какого ляда мне напрягаться?

– А с чего это ты посреди ночи проснулся? – со всей серьезностью спросила Августа.

– Да сам не знаю. Защемило что-то в груди, как доской по голове огрело, и главное – мысль паршивая в голове свербит: а зачем все это надо? Так и просидел почти всю ночь, обдумывал. Поднялся на маяк, смотрю – тускло горит. Вроде горит, а мглу не рассеивает. Я его чистил, чистил, лампы мыл, зеркала протираю, ничего не помогло. Под утро замерз, плюнул на это дело, спустился на кухню, откупорил бутылку. А тут и вы нарисовались.

– Говоришь, тускло горит? Тьму не рассеивает? А вчера?

– Вчера-то нормально. Как подменили его... И меня заодно, – уже шепотом добавил Эрни.

– А камин когда погас?

– Да я точно не помню. Ночью и погас, пока я спал. А как проснулся, мне не до того было.

– Надо развести огонь в камине, а то зябко. Мартин, сходи во двор за дровами, сейчас разведем огонь, и будет лучше.

Мартин знал, что дрова Эрни хранит с подветренной стороны маяка, под навесом. Он накинул куртку и вышел. Тут же под ноги ему бросился ветер. Мартин пошатнулся, но, едва

обогнув маяк и спрятавшись от ветра, он сумел набрать полную охапку дров из аккуратной поленницы. Возвращение потребовало от него немалых усилий: как только он показался из-за угла, тотчас был атакован порывом ветра, норовившим забросить ему за шиворот как можно больше снега. Не обращая на это внимания, Мартин добрал до двери и толкнул ее ногой. Дверь распахнулась.

«Хорошо еще, что дверь открывается вовнутрь, а не наружу, – подумал Мартин. – Стоял бы сейчас, пытаясь открыть с полными-то руками».

Он прошел через всю кухню и свалил свою ношу перед камином. Августа уже сидела рядом на корточках, разжигая бересту для растопки. Через некоторое время первый робкий язычок пламени коснулся дров, а еще минут через пять пламя ревело, пожирая поленья. Что-то постоянно потрескивало в камине, но со временем стал слышен только равномерный гул огня. Сделалось намного теплее и уютнее. Эрни подошел к камину и, присев перед ним, вытянул навстречу пламени руки. Посидев так некоторое время, он с улыбкой обернулся:

– Ну что? Кому из вас предложить чаю?

– Дедушка Эрни, а можно мне горячего шоколада? – встрепенулся Мартин.

– Шоколада? Можно. А ты, Августа, чего изволишь?

– Вот сейчас я узнаю старого Эрни, – откинувшись на спинку стула, сказала Августа, – теперь я бы выпила чаю.

Мартин слонялся без дела. Бабушка и Эрни о чем-то тихо говорили на кухне, а Мартин в это время изучал разбросанные по всему дому карты. Карты очень его заинтересовали, многие были старыми настолько, что изображали землю плоской, стоящей на трех слонах и черепахе. Этот факт очень восхищал и смешил Мартина. Восхищало то, что карты были красочными, с большим количеством фантастических зверей, а смешило то, что каждый первоклассник знает – Земля-то круглая. Но сама идея плоской Земли не была чем-то непонятным. Ведь разве мы не наблюдаем каждый миг, что Земля плоская? Что она заканчивается за горизонтом, там, где купол неба встречается с сушей или морем? И если верить своим глазам, то старые карты не врут. Это и вызывало интерес.

Может, бабуля права, и наука только все усложняет? Кто знает, что там, за линией горизонта. Может, там зияет бескрайняя пропасть в темные миры, и если свесить голову вниз и смотреть в бездну, то можно рассмотреть лапы гигантской черепахи? А если спуститься и прокатиться на хоботе одного из слонов или посмотреть, что на другой стороне Земли? Какие тайны и сокровища там скрываются от людских глаз? Возможно, дно планеты отлито из золота и выложено драгоценными камнями. Мартин знал, что золото и красивые камни добывают рудокопы, и даже представил себе, как люди наконец-то прорубят шахту насквозь, прямо на ту сторону, и увидят слонов на черепахе. То-то они удивятся. Все это настолько увлекло Мартина, что он совсем забыл про бабулю и старика Эрни.

– Думаю, Эрни, что я права, – услышал Мартин, – просто так ничего в этом мире не происходит. На все есть своя воля. Темная или светлая. Сейчас я чувствую, что вмешалась темная воля. И украла саму суть маяка. Ты можешь сколько угодно протирать лампы или устанавливать новые, но если огонь в душах моряков погас, то его уже не разжечь простым включением ламп. Лампы будут гореть, тревожа ночь, но не рассеивая мрак. Нужно идти к истокам. И не знаю, как ты, а я собираюсь отправиться в погоню за украденной сказкой и вернуть ее.

– Но подумай, Августа, сейчас не то время, когда все решается сказками; я даже не уверен, что этим ты сможешь изменить порядок вещей. Никто в них не верит. Спасибо, ты привела меня в форму. Показала, что я не просто занимаю место на земле и проживаю свою жизнь. Напомнила мне про миссию смотрителя маяка...

– Хорош смотритель, просмотрел все глаза, – буркнула Августа.

– Мне нравится моя жизнь, – продолжал Эрни. – Подумай только, как ты отправишься в путь? С кем, на чем? Ты, старая каракатица, сюда едва поднялась, с кряхтением, а все туда

же. Можно подумать, без тебя не найдется сумасшедших, кто, веря во всю эту ерунду, пойдет туда не знаю куда.

– А я бы пошел, – вмешался Мартин.

– Ты еще слишком мал, – огрызнулась Августа.

– Бабуль, пожалуйста, позволь мне помочь. Я буду послушным. Честно.

Мартину так хотелось поучаствовать в приключении, что он готов был пообещать все что угодно, даже умываться по утрам. Бабуля несколько секунд внимательно всматривалась в лицо Мартина.

– Хорошо, – смиростивилась она, – посмотрим на твое поведение. Может, в этом есть смысл.

Они тепло попрощались с Эрни и начали спуск с маяка.

– Мартин, не спеши, – остановила его Августа и указала на отдельно возвышающийся утес рядом с маяком, – давай поднимемся вот на ту скалу.

– Зачем? – поинтересовался Мартин.

– Нам потребуется помощь сильных и мудрых. Надо воззвать к ним. Если нам повезет, то мы получим помощь и совет.

– А кого ты хочешь позвать?

– Увидишь.

Скала венчалась большой ровной каменной площадкой. С одной стороны площадка была прикрыта выступом скалы, зато с других – обрывалась отвесными стенами, выходящими из моря. Прибой с шумом разламывался у основания скалы, брызги мелкой моросью долетали до самой вершины. Мартину было немного страшновато, но он стыдился в этом признаться. Утес продувался со всех сторон. Брызги намерзли причудливыми фигурами. У Мартина не было никакого желания подходить к краю. Он отошел и спрятался от ветра за выступом скалы. Августа же, напротив, подошла к самому краю. Сложив ладони у рта, она силилась перекричать прибой.

– Дедушка Альбатрос! Дедушка Альбатрос!..

Но ветер уносил слова. Звук голоса был неразличим сквозь грохот моря. Мартин в десяти шагах от бабули не смог разобрать ни слова. Он начал сомневаться, подумав, что бабуля его просто разыгрывает. И хотел было уже предложить ей пойти домой, где горит жаркий камин, а кухонная печь то и дело норовит поставить подножку.

– Дедушка Альбатрос! Дедушка Альбатрос! – продолжала Августа.

Далеко, на самом горизонте, появилась маленькая черная точка. Она приближалась с невероятной скоростью, быстро увеличиваясь в размере. Мартин запоздало сообразил, что это огромная птица. Бабушка еще раз поднесла сложенные ладони ко рту и крикнула:

– Дедушка Альбатрос! Дедушка Альбатрос!

Птица начала снижаться, и так огромны были ее крылья, что Мартин едва устоял под натиском поднявшегося вокруг вихря.

– Здравствуй, Хранительница. Ты меня звала? – молвила птица.

Мартин не поверил своим ушам. Птица – и вдруг говорит человеческим голосом.

– Да, дедушка Альбатрос, – ответила бабушка. – Я хотела познакомить тебя с моим внуком. Приемником. Мне будет спокойнее, если ты за ним присмотришь в случае чего.

Он еще маленький, несмышленный. Подойди, Мартин, и поздоровайся.

– Э... Здрасте, – робко промямлил Мартин себе под ноги, не решаясь посмотреть на птицу.

– Здравствуй, Мартин. Рад, что будет с кем поговорить, а то иногда слова забываю. Ты просто не представляешь, как временами тяжело найти интересный и пытливый ум. Надеюсь, ты станешь мне достойным собеседником.

– Да, конечно. Будет очень приятно, – все еще не веря в происходящее с ним, ответил Мартин. Он украдкой посмотрел на огромную птицу и немного осмелел.

– Дедушка Альбатрос, я к тебе с просьбой, – обратилась к птице Августа. – Ты самый быстрый и могучий на этом побережье. Не сможешь нам найти потерянную сказку? Прежде, это может быть опасно.

– Рад буду услужить Хранительнице. Да и поразмяться мне не помешает. Чем я могу помочь?

– Ты же знаешь старого Эрни, хранителя маяка? С ним приключилась беда. Старый Эрни пятьдесят лет зажигает маяк на нашем побережье, но именно сегодня он забыл, как и зачем это делать. Наши моряки потеряются в море, и сердца их покинет надежда, а глаза потухнут. Сам по себе он не мог забыть об этом, ведь это дело всей его жизни. Мне кажется, холодный дух севера проник сегодня ночью в нашу бухту.

– Ты думаешь, что тьма заглянула ему в душу? Затуманила его разум?

– Да.

– Несомненно, я помогу. В чем заключается моя помощь?

– Лети к горизонту быстрее ветра, и в то время, пока Отец Солнце спускается за край земли, вырви у него из макушки золотой волос. Волос последнего луча. Принеси этот волос и положи в лампу маяка. Тогда маяк будет по-прежнему гореть, а Эрни уже никогда не забудет о своем предназначении.

– Да уж... – хмыкнул альбатрос. – Отец Солнце в прошлый раз обещал зажарить меня. Думаешь, он забыл?

– Потому я и говорила тебе, что будет опасно, хотя ему будет не до тебя, он же будет готовиться к путешествию по Той стороне.

– Знаешь, Хранительница, а не ослабит ли его потеря еще одного волоса в предстоящей ему битве? Нет ли другого пути?

– Другого пути я не вижу, – вздохнула Августа. Помолчав, старый альбатрос тихо проговорил:

– Я помню темные времена. Они случились как раз после похищения волоса. Солнце вовремя не взшло. И с тех пор оно стало сильно уставать: полгода греет землю, а полгода отдыхает.

Но об этом помнит только Отец Ворон. Ходят слухи, что именно он проник в темные земли и помог Отцу Солнцу вернуться на землю.

– Как нам найти Отца Ворона? – выпалил Мартин и сам испугался своей смелости, но интерес к происходящему поборол его скованность. И он продолжил:

– Дедушка Альбатрос, ты случайно не знаешь, как его позвать, он помог бы нам, рассказал о темных временах.

– Я давно его не видал, – вздохнул альбатрос. – Много воды утекло с тех пор, как он удалился в далекую пещеру, и никто не слышал о нем уже многие годы.

– А где находится эта пещера? – не унимался Мартин.

– Где-то в океане, на островах, к западу отсюда. Я пару раз пролетал над ними, но никого не встретил. Они выглядят дикими и пустынными. Там не селятся люди, не летают птицы, не живут звери. Там подземный огонь выходит на поверхность, отравляя все живое своим дыханием.

– Нам надо добраться до этого острова и поговорить с ним, – заявила Августа. – Есть маленький, но шанс, что Отец Ворон знает, как нам помочь.

– Видимо «нам» адресуется мне, – усмехнулся альбатрос, – потому как сегодня вы не захватили летательные перья?

– Я не прошу, чтоб ты летел один. Я хотела попросить тебя отнести меня на этот остров.

– Бабуля! – воскликнул Мартин. – Ты трижды отдыхала, пока мы поднимались на маяк, ты просто можешь не выдержать полета и упасть прямо в море.

– Я тоже думаю, что тебе, Августа, лететь не надо, – со всей серьезностью проговорил альбатрос, – мне будет тяжело нести тебя, а вот Мартина я смогу домчать за считанные часы.

– Мартина?

– Нуда, он легкий, гибкий, ловкий, молодой. Он сможет усидеть на моей спине...

– Но он же так мало знает, и Отец Ворон просто не станет его слушать, – качая головой, перебила его Августа. – Лететь должен зрелый Хранитель.

– Ты забываешь о силе молодости. О неукротимости духа, о сомнениях и тревогах юных сердец. Возможно, именно это и послужит ключом к затворничеству Отца Ворона. Потому что, когда встречаются две старые головы, не в обиду тебе, Августа, то разговор плавно перетекает в старческое брюзжание. А когда к старости приходит за советом молодость, то польщенная старость рада поделиться воспоминаниями и опытом. Так что, я думаю, у Мартина есть шанс.

– Возможно, ты прав, – вздохнула бабуля, обернулась и посмотрела внуку в глаза. – Мартин, ты как? Готов к приключениям?

– Да! – не скрывая восхищения, воскликнул Мартин.

– Тогда не теряйте времени. Попутного ветра вам и удачи!

Глава третья

Отец Ворон

Мартин летел на спине могучего альбатроса. Страх прошел, и только восторг все больше вытеснялся холодом. Они летели с немыслимой скоростью, внизу проносились облака и острова. Мартина очень удивляло, что альбатрос почти не взмахивал крыльями, как это делают прочие птицы, а подхватывал ветер и парил. Глаза слезились от встречных потоков воздуха и блеска бескрайнего океана. Лицо горело от холодного ветра. Мартин повыше натянул шарф, так, что виднелись только глаза. Они летели уже несколько часов. Мартин с сожалением подумал, что когда они прилетят, он не сможет самостоятельно слезть, настолько затекло и замерзло его тело. А еще он сильно переживал, что в таком виде не сможет произвести впечатление на Отца Ворона. В голове не было никаких мыслей, кроме желания поскорее спуститься на землю.

– Долго еще лететь? – сквозь шум ветра прокричал Мартин.

– Нет, уже прибыли. Острова под нами. Нам нужен самый дальний из них. Ты там как? Сильно замерз? – участливо поинтересовался альбатрос.

– Нисколечко! – соврал Мартин, ему совсем не хотелось, чтоб все считали его малышом и неженкой.

– Может еще один круг над островами? Осмотрим окрестности? – усмехнулась мудрая птица.

– Нет, спасибо, все отлично видно, – воспротивился Мартин.

– Хорошо. Приготовься, сейчас будем садиться.

Альбатрос сложил крылья и начал стремительно снижаться на пустынный остров, на котором возвышалась одинокая гора. Приземление было достаточно ощутимым. Миг свободного падения – и рывок в момент, когда альбатрос расправил крылья, смягчая посадку. Снег завихрился, окутав путешественников с ног до головы белой пылью.

– Уф... – выдохнул Мартин.

– Страшно? – поинтересовался альбатрос.

– Немножко...

– Это ничего. Вижу, что ты замерз. Слезай и походи, побегай, попрыгай. Быстро согреешься.

– Спасибо, – простучали от холода зубы Мартина.

Не медля, Мартин спрыгнул со спины альбатроса и начал прохаживаться кругами, приседая и размахивая руками. Он почувствовал, что к телу возвращается подвижность и тепло начало вытеснять холод из кончиков пальцев.

– Отогрелся? – заботливо спросил альбатрос.

– Да, сейчас намного лучше. Спасибо.

– Пойдем, нам еще в гору подниматься, я заметил недалеко отсюда пещеру, давай с нее и начнем. Может быть, нам повезет, и это окажется именно тем, что мы ищем.

Они преодолели крутой подъем в несколько метров – размах крыльев альбатроса не позволял ему влететь в небольшое отверстие – и вышли на крохотную площадку, с которой открывался вход в пещеру. Он темнел черным провалом на белом, присыпанном снегом фоне. Путники осторожно заглянули в темноту.

– Эй, есть кто-нибудь? – прокричал альбатрос. – Отец Ворон, ты здесь?

Только эхо им прошептало «здесь-десь-есь». Прислушиваясь к каждому шороху, они ступили под свод пещеры. Неожиданно пол закачался, земля стала уходить из-под ног. Альбатрос схватил клювом Мартина за капюшон куртки, и готов был стремглав бежать из ловушки.

– Что за невоспитанность?! Кого еще тут принесло?! Что вам тут надо?! – голос раздавался так громко, что, казалось, это говорят сами скалы.

– Мы странники. Я Отец Альбатрос, со мной юный Хранитель. Мы разыскиваем Отца Ворона.

– Зачем вам Отец Ворон?! – прогремел голос.

– Нам нужен его совет, – крикнул Мартин. – Мы слышали, что ни в этом, ни в других мирах нет никого, кто сравнится бы умом с Величайшим Отцом Вороном. Мы смиренно пришли просить разрешения припасть к колодезю его мудрости, чтобы он наставил нас на путь истинный и дело правое.

– Надо подумать, – проговорил голос, уже более спокойно.

– Вот загнул-то, – восторженно прошептал на ухо Мартину альбатрос, – Где так научился?

– Сказку читал про восточных царей, к ним вельможи так подлизывались, – тоже шепотом ответил Мартин.

– Уважаю. Потом расскажешь, полезная сказка.

– Я решил! – пророкотал голос.

– Я помогу вам. Но сделайте и вы мне одолжение.

– Если это в наших силах! – прокричал альбатрос.

– В ваших, ваших. Выходите из моей ноздри, а то, если чихну, лететь вам до края земли и кувыраться.

Альбатрос и Мартин поспешно выскочили на площадку и начали спускаться вниз. Земля вокруг заходила ходуном. Часть горы взметнулась вверх, срывая с себя камни и утлую растительность.

– Гляди-ка, – воскликнул Мартин, – это и не гора совсем. Это крыло Отца Ворона.

Когда пыль осела, их взору предстал огромный ворон. Высотой он был чуть ниже облаков. Голова его потеряла свой иссиня-черный цвет, была седой, словно присыпанная пеплом. Великая сила скрывалась в нем. Путники робко стояли, рассматривая старца, и не могли произнести ни слова от удивления.

– Я рад, – проговорил Отец Ворон, – что молодость пришла за советом к старости. Много веков назад я нашел это уединенное пристанище, отказался от мира, полетов и свежего ветра.

Потому, что никому уже не было дела до советов и воспоминаний такого старика, как я. Чем же я могу помочь столь уважаемым путникам?

Альбатрос прокричал:

– Отец Ворон, случилась беда. Погас маяк на одном из далеких берегов. Вернее, маяк-то горит, только погасла искра значения маяка, его душа, она была украдена. И, дабы ее вернуть, мы прилетели к тебе за советом. В изначальные времена душой маяка служил волос с головы Отца Солнца. Мы хотим пройти к истокам сказки. Посоветуй, как нам быть.

– Вот теперь-то я вспомнил тебя, юноша, – проговорил Отец Ворон, обращаясь к альбатросу. – Ведь именно ты на заре веков по глупости своей и по наущению женщины вырвал волос из головы Отца Солнца? Знаешь ли ты, сколько бед принес в этот мир твой отчаянный поступок?

– Да, это был я, – тихо проговорил альбатрос. – Оправданием мне служит лишь то, что делал я это во имя и ради любви. Я спас влюбленных, принес в мир немного света и тепла. Да, я виноват. Я был молод и горяч. Но неужели ты, Отец Ворон, забыл, что значит быть молодым и любить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.